

Загадка образа Иуды: предатель или любимый ученик?

«...Тоска и стихийность Иуды слишком понятны и близки нам, чтобы искать их на Мёртвом море».
(И.Анненский)

«Сын Человеческий идёт, как писано о Нём, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предаётся: лучше было бы этому человеку не родиться».
(Мф. 26:24).

«Сберегший душу свою потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её»
(Мф.10:39).

Галерея художественных образов, навеянных Библией, поистине огромна.

На протяжении многих веков Библия служит источником вдохновения в музыке, литературе, изобразительном искусстве. Великие мастера, обращаясь к Евангелию, находили в нём темы и сюжеты, имеющие непреходящий общечеловеческий смысл. Пока существуют люди, их всегда будет волновать образ Иисуса Христа, его земной путь, полный испытаний и страданий, его проповеди и, наконец, смерть на кресте во имя спасения человечества. Художники всегда будут обращаться к теме материнства (сюжет о Деве Марии и Христе), к проблеме преемственности, духовного родства учителя и учеников (Иисус Христос и апостолы), к вечной теме взаимоотношений власти и творца (Понтий Пилат и Иисус Христос). И это не удивительно. Несмотря на смену эпох и поколений, люди, по сути, остаются прежними со своими повседневными заботами, радостями и печалью. Страдание, предательство, отречение остаются таковыми в любой культурно-исторической среде. Сюжет о Христе и Иуде являет собой пример универсального предательства.

Для верующих в Христа как бога Иуда навеки остаётся символом предательства и подлости. Его отступничество для христиан непосредственно предвосхищает выступление антихриста; недаром он характеризуется словосочетанием «сын погибели» (Ин. 17:12), применимым в Новом Завете также и к антихристу (2 Фесс. 2:3). В память о предательстве Иуды каждую

среди христиане посятся. Крылатое выражение «поцелуй Иуды» закрепилось в языке как обозначение предательства – одного из самых низких, самых подлых поступков человека.

Несмотря на вечное проклятие Иуды Искариота, за многие века существования этого образа сложилась обширная и разнородная «иудология». Возникает вопрос, что заставляет деятелей искусства и литературы вновь и вновь обращаться к художественному осмыслению сюжета об Иуде и Христе? Как воплотилась тема предательства Иуды в художественной культуре?

На наш взгляд, одна из причин популярности образа Иуды Искариота заключена в его неопределённости и размытости. История Иуды известна нам исключительно по евангельскому повествованию, сведения которого крайне скудны. Неясно даже значение прозвища Иуды – «Искариот». Создатели евангельских писаний не знали достоверно, как завершилась жизнь Иуды, и не объясняли мотивов предательства (кроме корыстолюбия, внушённого дьяволом, по Иоанну). Что немаловажно – синоптические Евангелия и Евангелие от Иоанна дают различные версии сюжета о главном предателе. Следовательно, говоря об Иуде Искариоте, нельзя обойтись без слова «возможно». Это предполагает свободу в трактовке образа Иуды. Каждый, кто пытался воссоздать сюжет о предательстве Иуды, по-своему отвечал на загадку этой личности, искал собственное объяснение его страшному поступку. Что это? Простая человеческая слабость? Или Божий промысел? А может одержимость дьяволом? Или исполнение пророчеств?

Ограничение мотивов предательства только алчностью Иуды было бы непростительным упрощением евангельской трагедии. Существует несомненный контраст между сравнительно малой практической ценностью поступка Иуды и духовным содержанием, которое традиция признаёт за самим фактом предательства.

Некоторые авторы предполагают причиной отступничества Иуды Искариота внутренний разлад в душе слабого человека, что-нибудь вроде чувства зависти или ревности. Франсуа Мориак в книге «Жизнь Иисуса»

пишет, что возможно, Иуда и не предал бы Христа, если бы не любил Его, если бы не чувствовал, что любим менее других. Мучительная любовь к Христу подталкивает к предательству и Иуду Леонида Андреева в повести «Иуда Искарот и другие». Возможно, Иуда не понял учения Иисуса и разочаровался в своём Учителе (А.Мень). У М. Булгакова, пожалуй, самый странный Иуда – корыстолюбивый, влюблённый красавец. Православные богословы говорят о более глубоких корнях предательства Иуды, который выступил как орудие Сатаны.

Уже во II веке н.э. была высказана точка зрения, находящаяся в резком противоречии со всей христианской традицией: гностическая секта каинитов понимала предательство Иуды Искарота как исполнение высшего служения, необходимого для искупления мира и предписанного самим Христом. Именно такой взгляд на Иуду стал особенно популярным в двадцатом столетии. Увидеть в главном предателе не порождение дьявола, а личность, которую сам Бог призывает пожертвовать собой (жизнью, честью, спасением души – всем) ради предначертанных судеб.

XX век склонен был переосмысливать в индивидуально-личностном плане некоторые ключевые точки евангельского повествования, давно, казалось бы, устоявшиеся в представлениях о добре и зле. Особенно интересными в этом смысле оказались два образа: Понтий Пилат и Иуда Искарот, причём Иуда – не предатель, а любимый ученик Иисуса. Единственный среди апостолов, кто способен исполнить высшее предназначение, т.е. предать Христа его судьбе. Исходя из логики, если согласиться с тем, что Иисус был послан Богом, что его миссия predetermined, то осуществление её было возложено и на тех, кого он выбрал. А среди выбранных главную роль сыграл Иуда. Вера в Христа опирается на Воскресение, которое стало возможным после распятия. Распятие состоялось после предательства. Без предательства не было бы Воскресения. Божественный замысел остался бы нереализованным.

Свои «благородные» версии поступка Иуды Искарота предлагали Леонид Андреев, Максимилиан Волошин («Иуда Апостол»), Юрий Нагибин

(«Любимый ученик»), аргентинский писатель Хорхе Луис Борхес (в новеллах «Секта тридцати» и «Три версии предательства Иуды»), Клеменс Брентано («Трагедия Иуды») и др. Никоса Казандзакиса и вместе с ним Мартина Скорцезе с «Последним искушением Христа» можно поставить в том же ряду. Один из самых выразительных образов создаётся М.Квиливидзе («Монолог Иуды» в переводе Евгения Евтушенко). Идея предательства конкретного человека во имя верности Богу, ради исполнения божественного пророчества звучит в его стихотворении. Смелая, неординарная книга написана польским писателем Генриком Панасом. Не много ни мало «Евангелие от Иуды». Его Иуда – рационалист и скептик. Весьма образованный человек по способу мышления близкий к современной эпохе. Он единственный кто по-настоящему понимает Иисуса. Он пытается направлять события в жизни Христа, но сам в них не участвует. Иуда Генрика Панаса - не герой, но и не злодей.

И сегодня загадка Иуды остаётся неразрешимой. Нет окончательного ответа на вопрос о том, что толкнуло Иуду на страшное предательство. Неясно, зачем вообще понадобилось предательство: ведь Иисус и его ученики не скрывались, его можно было легко взять на улицах Иерусалима и при свете дня...Бесспорно одно: пока есть Христос – есть и Иуда. Эти образы вечны, встречаемы, родственны. Трагическая судьба Иуды отмечена позором и проклятием, но при этом она зеркальна судьбе Христа в его страстях и славе и неотделима от неё. Эта мысль находит своё выражение в легенде о Леонардо да Винчи. О том, как прославленный мастер, проведя долгие годы в поисках натурщика для образа Иуды в «Тайной вечере», обратился к тому человеку, с которого писал Христа много лет назад, не узнав его. Отголоски этой легенды мы находим в поэзии XX столетия.

Как это ни страшно сказать, в каждом человеке есть что-то от Иуды – «блудного сына» или «сына погибели». Всякий человек – потенциальный предатель, но, осознав это, один стремится изжить в себе этот недостаток, а другой становится Иудой. Представляется, что сюжет об Иисусе Христе и Иуде Искарите – одно из звеньев цепочки вечной борьбы Добра и Зла, которая

придаёт особый драматизм всей истории человечества и привлекает внимание художников во все времена и эпохи. Может быть, потому, что каждый из нас вынужден решать для себя проблему доверия и предательства?